
МИРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: ПОТРЕБНОСТИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Остхоф-Мюнникс Г.

доктор философии, профессор Университета Инсбрука (Австрия),
вице-президент Международной ассоциации профессоров философии.

E-mail: gabriele@tuennix.de

В статье рассматриваются вопросы перестройки международных отношений в условиях глобализации, в результате чего роль суверенных государств должна существенно измениться. Анализируются перспективы создания мирового правительства, не подменяющего, а дополняющего управленческие функции правительств национальных государств.

Ключевые слова: *мировое правительство, суверенитет, национальное государство, космополитизм, национализм.*

The author considers reorganization of international relationships in the context of globalization which should involve considerable change of sovereign states' role. The perspectives of establishing a world government that will supplement rather than substitute managerial functions of the national states' governments are analyzed.

Keywords: *world government, sovereignty, national state, cosmopolitanism, nationalism.*

Независимость государств сейчас не настолько полна, насколько это было в недавнем прошлом. Учитывая сложность международных соглашений и договоренностей, большую силу влияния некоторых государств на другие, объем давления международных корпораций на государства, реальная власть многих стран по устройству внутренних дел и обеспечению безопасности и преимуществ на международной арене стала значительно меньше, чем была. Инвестиционные решения крупных корпораций оказывают большее влияние на небольшие национальные государства, чем даже гегемонические амбиции более могущественных соседних стран. Кроме того, в мире суверенных государств, преследующих свои собственные интересы, международным учреждениям необходимо координировать свои ответы на глобальные проблемы. Существует множество таких учреждений: от ООН до неправительственных организаций, финансовых учреждений, таких как МВФ и международные суды. Затрагивают ли подобные структуры суверенитет и автономию национальных государств – вопрос как практический, так и концептуальный. Являются ли они силой, посредством которой национальные государства могут выполнять свои задачи на мировой арене, но которая подчинена суверенной воле этих стран? Или же они – наднациональные структуры, которые ставят условия и создают правила, ограничивающие суверенитет государств, оказавшихся в орбите влияния этих структур? Но это также и нормативный вопрос. Станет ли мир более справедли-

вым, если он будет состоять из суверенных государств, или лучше, если суверенитет государств окажется снижен или вообще приглушен?

Учитывая внимание космополитичных мыслителей к правам человека и мировой справедливости, а также концентрацию их внимания на индивидуумах, мы видим тенденцию к занижению важности суверенитета национальных государств. Поскольку национальные правительства зачастую подавляют свои народы, нещадно эксплуатируют ресурсы страны ради прибылей членов правительства и приближенных к ним, а также влезают в государственный долг, выплатить который потомкам не по силам, выдвигается мнение, что национальные правительства должны быть оставлены в стороне, а защита прав человека и мировое правосудие должны осуществляться транснациональными учреждениями и глобальными формами демократии. Поскольку государства зачастую устраивают войны во имя национальных интересов, некоторые космополитичные мыслители полагают, что мир может быть поддержан, только если будет существовать мировое правительство, которое ограничит суверенитет национальных государств, олицетворяя собой глобальное правление закона, эффективно контролирующего все нации. Многие реалистически настроенные теоретики международных отношений, отсылая к Гоббсу, предлагают два варианта рассмотрения вопроса. Первый заключается в существовании мира, где применение силы осуществляется автономными, суверенными государствами, он является единственной опорой стабильности. Второй – в появлении всемогущего мирового правительства, которое могло бы поддерживать мир посредством своего исключительного права на применение силы к несuverенным государствам. Я же считаю, что космополитичные мыслители должны поддерживать третью, кантианскую позицию, согласно которой длительный мир во всем мире должен быть основан на открытых и публичных международных соглашениях, подписанных разумно действующими государствами.

Распространение идеи мирового правительства с возможностью силового навязывания международного права основано на гоббсианском политическом реализме, который постулирует, что лишь более могущественная сила может затушить непримиримые межнациональные конфликты. С этой точки зрения миру нужен Левиафан, чтобы его сохранять. Впрочем, как считал Кант, эта теория предполагает также, что в отсутствие силы, сдерживающей «Левиафана», такое мировое правительство само становится подавляющим гегемоном, действующим в интересах тех политических и коммерческих групп, которые могут оказывать на него влияние. Тогда будет казаться, что мировое правление, сфокусированное вокруг учреждений глобальной юрисдикции, будет политически опасно. Базовый либеральный принцип, устанавливающий, что права человека защищены оптимальным образом, когда правительство построено по принципу разделения властей, реализован в существующем мире лучше, нежели был бы в мире с единым правительством. В соответствии с этим большая часть космополитичных мыслителей продолжает поддерживать идею национального государства как формы правления.

Еще один довод в пользу этой позиции – необходимость национального государства как административного подразделения. Подобно тому, как совет местного самоуправления отвечает за обеспечение определенного набора услуг в городе, а законодательный орган штата или провинции ответственен за управление большей территорией, национальное государство несет ответственность за управление

еще большей территорией и поддержание должных отношений с другими государствами. Как только вы пересекаете государственную границу, вы попадаете под иную юрисдикцию. На одной стороне границы вы находитесь под юрисдикцией государства А, на другой – под юрисдикцией государства Б. Хотя мы можем представить себе ситуацию, когда глобальная структура осуществляет исполнение глобальной системы законов, но это создаст столько проблем, что подобное будет непрактично. Национальное государство делегирует поддержание городских парков муниципальным советам, а поддержание школ и больниц – правительствам провинций/округов. Различные государства могут по-разному разрешать подобные вопросы, но тем не менее ситуация, когда центральная власть берет на себя заботу обо всех вопросах, которые могла бы решать власть на местах, крайне необычна. Тем не менее правовая или конституционная ответственность присуща национальному государству, так как именно в конституции или правовой системе прописано, какой уровень власти за что отвечает. Эта ответственность не дается государству свыше, например мировым правительством, это следствие государственного суверенитета. Именно вследствие суверенитета и обязанностей государство управляет своей территорией и создает законы, действующие на ней и только на ней. Более того, именно вследствие вышеупомянутого суверенитета и обязанностей, которые его сопровождают, государство может заключать соглашения и договора с другими структурами, дабы выполнить обязанности и представлять интересы своих граждан.

Фундаментальная причина необходимости государства заключается в том, что что-то должно учреждать юрисдикцию над определенным населением на конкретной территории. Эта юрисдикция должна признаваться другими структурами, государствами и коммерческими корпорациями, которые собираются иметь дело с кем-либо или чем-либо на этой территории. Именно учрежденные государством законы позволяют существовать потокам денег, населения и товаров, которые составляют суть глобализации. Более того, решения, которые оказывают влияние на «большой» мир, могут быть приняты в контексте внутреннего политического противостояния и дебатов. Даже если иностранная сила (или многонациональная корпорация) способна оказать влияние на бедное и слабое государство, она обязана это делать через закон и чиновничий аппарат, действующие в данном государстве. Можно повлиять на структуру и правоприменение этих законов, но если их игнорировать, действие становится неправомерным и может быть расценено как вторжение.

В соответствии с вышеизложенным, если большинство граждан государств по всему миру пожелают перейти к новой форме глобального правления, именно государства должны будут войти в необходимые соглашения и отдать соответствующий объем власти глобальной структуре. И даже после этого государства не исчезнут. Они станут просто одним из уровней правительства, подобно муниципальным советам или областным правительствам. Эти новые государства лишатся определенных прерогатив суверенитета, но у них останутся соответствующие формы правовой власти над своими территориями. Преимущество такой ситуации может заключаться в том, что у граждан будет меньше причин быть привязанными к своим государствам со своего рода бездумным рвением национализма, но административная необходимость иметь определяемые территорией юрисдикции не исчезнет. В самом деле, то, что мы в итоге получим, будет своего рода

кантианской федерацией государств. Любая федерация государств, управляется она вооруженной властью или же держится только на совместных соглашениях, будет означать некоторое снижение суверенных прав национального государства. Государство сниженного суверенитета также едва ли будет склонно агрессивно преследовать свои интересы по отношению к соседям. Такое государство будет идеологически объединено не замкнутым национализмом, а чувством мирового гражданства, которое согласуется с космополитическим идеалом.

Учитывая, что национальное государство будет продолжать свое существование в форме сниженного суверенитета, более космополитичная форма патриотизма тоже будет продолжать существовать. Людям нужно определенное чувство принадлежности к своему сообществу. Если люди гордятся своим городом, страной, в которой они живут, они будут связывать себя с национальным государством, которому принадлежит конституционное право устраивать их жизнь. Результатом этого процесса является гражданская солидарность, не разделяемая с другими государствами. Но это необходимо отличать от национализма, который осуждают космополиты. Я описываю это как политический патриотизм.

Перевод к. ф. н. А. В. Волобуева.